

* * *

Ветер... ни словом больше.
Что там в Иране, Польше,
Турции, Украине? –
не предавайся и не
бойся бациллы – к черту!
Не надрывай аорту
криком о том, что вечно;
глотка твоя конечна.
Лучше вернись к началу –
выйди, пройди к причалу
утром с буханкой хлеба;
там, в отпечатках неба,
в кучу собравшись, утки
чистят хвосты и грудки.

POST SCRIPTUM

*Умереть – это стать современником всех,
Кроме тех, кто пока еще живы.*

А. Кушнер

В потертом узком городишке,
внутри пивной или кафе,
где мелочь клячат ребятишки,
и в старомодных галифе
сидят военные, и метко
летят табачные круги,
и улыбается кокетка,
блестят глаза и сапоги
в закатном свете; дверь открыта,
из граммофона дребезжит,
чуть заикаясь, «Рио-рита»,
то «Утомленное» шуршит;
к столу подсели по-соседски
через французский комплимент,
им отвечают по-немецки,
усилив выпитым акцент;
правее слышится по-русски
про революцию и класс;
в чесночном соусе моллюски,
и в шоколаде ананас;
где некто в перьях, одинока,
опять садится у окна
и ожидает Сашу Блока,
в стекле едва отражена;
под фотографией неброской,
где у Невы печален вид,
смолит в углу Иосиф Бродский
вторую пачку Chesterfield;
занявший к выходу поближе
свободный столик, в стороне
лоб потирает Боря Рыжий,
не уступивший седине;
в дыму разглядывая лица,
и баки черные в толпе,
не на веранде в теплой Ницце,
не в ресторане в Сен-Тропе,
когда все то, что примелькалось,
и сквозь очки не разгляжу,
сообразив, что жизнь промчалась,
я тоже пива закажу.

ЗАГОРОДНЫЙ НОКТЮРН

Там, где самая прочная связь – переезд и мост,
где по радио то, что и несколько лет назад,
на дверном косяке сохраняя число и рост,
проступает шкала от тебя отлетевших дат.

Там по-прежнему сдержан букет придорожных трав,
аскетичней едва ли орешник и хвойный бор.
Попадая туда, соблюдаешь лесной устав,
даже волосы там не ложатся в прямой пробор.

Там, где жук-плавунец зарывается в черный ил,
ты, глаза закрывая, способен еще грести,
поднимая со дна имена из последних сил,
что дрожат и сверкают, как рыба в ночной сети.

Там тебе одному, за листвою, вдали от встреч,
мимо спальных районов, где шанс невелик уснуть,
станционный диспетчер свою адресует речь,
точно местный пророк, объявляя свободный путь.

ЖАЛОБА- ЗАЯВЛЕНИЕ

Целый день в коридоре скребут и топают,
в телефон больше часа орут о мелочи.
За отсутствие света «спасибо» тополю,
грязной туче в окне и тому, что неучи.

Лифт поднялся – рассыпался шум по лестнице:
стук дверей, крик детей, лай собаки, возгласы.
Тишина дорожает в текущем месяце,
и душа оперение рвет, как волосы.

Я плачу по счетам: свет, вода, безмолвие;
за последний – наличными одиночества, –
посылаю в управу с пометкой «молния»:
«Подключите!» (Фамилия, имя, отчество.)